

1860 – 1930-е

ВЕЛВЕЛ АВЕРБУХ, ШЕЙНА-ГИТЕЛЬ КУППЕРШМИДТ

Дедушка моей матери по материнской линии, Велвел Авербух, жил в Белой Церкви. А её бабушка по материнской линии, Шейна-Гитель Куппершмидт, жила в соседнем Тетиеве. Оба городка находились в Киевской губернии и входили в черту оседлости. В 1879 году Велвел и Шейна впервые увидели друг друга, стоя под хупой на своей свадьбе. Вернее, по словам Шейны-Гитель, она видела середину его кителя, а Велвел макушку ее склоненной головы.

Их отцы договорились поженить своих детей, т.е. сделать шихах, незадолго до этого. Шихах предложил сам ребе (духовный учитель) отца жениха, что само по себе говорило и об эрудиции его ученика и о его ихис. К тому времени оба семейства уже были на грани отчаяния, что им не удастся подобрать для своего ребёнка ровню, т.е. из семьи, принадлежащей к ихис. Их детям было уже почти по двадцать, что для Шейны было угрозой остаться в старых девах.

Информация и семейная хроника, старательные передаваемые из поколения в поколение, не оставляли сомнений в незапятнанном ихис Велвела.

(Его дети, однако, не вдавались в детали, а только передали своим детям заверения о прославленной родословной рода Авербух. Поэтому нам остаётся полагаться на своё воображение. Несколько видных раввинов династии Ауэрбах, известные в Германии с 15-го века, создали ветви по всему миру. Основатель династии, Мозес Ауэрбах, служил придворным Иудеем у епископа Регенсбурга. Хотя ни одна ветка такого калибра ихис не может считаться мелкой, наша, по всей видимости, была одной из самых незаметных. Кроме того, витали слухи о наших южно-европейских и персидских корнях, которые объясняли внешность некоторых плодов на нашем дереве.)

Мы не знаем, какие основания считаться ихис были у родителей Шейны-Гитель. Мы даже не знаем их имён. Мы только знаем, что они мало могли предложить по части приданого в дополнение к их происхождению. В знак уважения к ребе-шадхану, обе стороны не провели общего расспроса (дерфраген) в городках о будущих родственниках. Но влияние ребе не распространилась на расспросы, связанные с защитой рода от предрасположенности к напастям, которые, однажды войдя в семью, останутся в ней навечно: туберкулёз и психологические отклонения. К тому же, Рохел, красавица-мать жениха, желала видеть своих внуков не только ихис и здоровыми, но и красивыми. Она потребовала устроить смотрины невесты. Но прежде, чем отец Шейны-Гитель представил свою дочь, Рохел убедили отказаться от её требования, чтобы не обидеть ребе.

Велвел был старшим из двух сыновей Шмерел и Рохел Авербух, урождённой Габович. Велвел его звали в быту, а полное его имя было Шмуль-Вольф. После революции оно сократилось до Вольф, что и дало отчество его детям: Вольфович для мальчиков и Вольфовна для девочек.

Шмерел обладал талантом определять состав и качество тканей на ощупь, который обеспечивал его небольшую семью. К счастью, как отцу только сыновей, ему не нужно было беспокоиться о накапливании приданого. В мире, где ещё не существовал синтетический текстиль, его слово было решающим во многих местных оптовых сделках. Его эрудиция принесла ему такое же уважение, как его непревзойдённая компетентность в оценке тканей, до такой степени, что Велвел всю свою жизнь представлялся, добавляя к своему имени "сын Шмерела" – Велвел, сын Шмерела. И ценил Шмерел больше всего именно эрудицию. Он любил говорить: "Бизнес – для желудка, а не для сердца". Его сердце и мысли были сосредоточены на изучении Торы.

Одобрила ли в конце концов его мать свою невестку или нет, неизвестно, но Велвел, судя по всему, одобрил. У Шейны-Гитель было точённое личико с миниатюрным носиком, темные глаза и прямые волосы, собранные на затылке в узел размером с кулак. Она запомнилась как человек, располагающий к общению. Узкое лицо Велвела с хрящеватым носом, роскошной чёрной гривой и бородой, и громадными пронзительными жгуче-чёрными глазами затмевали умиротворённую внешность Шейны-Гитель. И статью своей она, маленькая и пухленькая, контрастировала с долговязой фигурой своего мужа. Условия жизни в штетл, избыточной нищетой, теснотой и волнениями, недостатком здорового питания, отсутствием адекватной одежды, свежего воздуха и физической нагрузки приводили к отставанию в развитии детей, так же, как и ранние и, зачастую, близкородственные браки их родителей. Поэтому высокий рост мужчин семьи Авербух, как они считали, ставил их (в дополнении к ихым) на много метафорических ступеней выше большинства их земляков.

Те немногие, кто осмеливались приблизиться к Велвелу, и те немногие из них, которых он принимал, принадлежали к кругу образованных людей. Он просто не замечал никого за пределами этого круга или, глядя поверх большинства голов, не унижал себя признанием их присутствия. Шейна-Гитель добросовестно сообщала Велвелу о жалобах на его неподчительность и получала одно и то же объяснение “к чему мне тратить своё время на дурака?” Ей было проще извиниться за своего мужа, чем передавать ему эти бесконечные обиды. Он происходил из семьи с завидной родословной, был меламедом ешивы и уважаемым хасидом, обладал блестящими способностями и необыкновенной памятью; красивый, высокого роста и такой представительный в своём штремел – если он не имел право на чувство превосходства, то кто мог?

Велвел наслаждался обществом жены. Он любил говорить: "Жена должна быть красивая и умная, потому что тогда дети будут красивые и умные, и муж будет спешить домой после работы. Хорошая жена ставит своего мужа на ноги, а плохая жена сбивает своего мужа с ног." Бесцеремонный в большинстве случаев, Велвел разговаривал с Шейна-Гитель мягко и никогда не вмешивался в её решения по ведению домашнего хозяйства.

Шейна-Гитель отвечала за то, что все дети в два года знали алфавит и в четыре бегло читали на иврите и на идиш. Потом девочки оставались в её распоряжении, в то время, как мальчики переходили на курс домашнего обучения под руководством Велвела. Человек циничный, Велвел посмеивался над тем вниманием, которое Шейна-Гитель уделяла

хорошим манерам и которые она терпеливо прививала детям с самого раннего возраста. Для женщины, воспитанной в бедной местечковой семье, она обладала таким интуитивным чувством этикета и достоинства, как будто она воспитывалась гувернантками и в аристократическом обществе. Когда она обучала детей правильно входить в комнату и выходить, как обращаться к людям разного возраста и положения, ненавязчиво менять тему разговора и сказать “да” или “нет” глазами и жестами, Велвел пренебрежительно фыркал, но одобрял.

Пятница была самым загруженным днём для Шейны-Гитель, её дочерей и не достигших бар-мышцы сыновей, так как нужно было принести больше, чем в другой день, воды из колодца, помыть дом дочиста, принести дрова, заправить и поставить самовар, приготовить и накрыть шаббатный стол. Велвел обычно приглашал нескольких учеников и, став даяном (иудейским религиозным судьёй), посетителей, пришедших за советом в этот день. После еды мужчины, развалясь, устраивали громкие дебаты на религиозные и философские темы, которые зачастую длились за полночь. Шейна-Гитель вставала и давала сигнал девочкам убирать со стола. "Посиди немного," просил Велвел. "Ничего не делается само по себе," неизменно отвечала Шейна-Гитель с сарказмом, который он не чувствовал.

(Согласно Велвелу, мир состоял из двух категорий людей: тех немногих семей, которые были сопоставимы с его семьёй, и "маленьких людей" – презрительное определение, не имеющее ничего общего с физическими данными человека, но относящееся к его сознанию, не способному подняться над мирской суетой и отличить мимолётное от определяющего. Эти две категории не более совметимы, чем орёл и кошка. И если кто-то пытается их смешать, т.е. поженить, в лексике Велвела, тогда кошка сжирает орла и приумножает семейство кошачьих. Не то же самое, что жениться на иноверце, но близко, хоть и в той же вере. Тот, кто произошёл от кошки, обречён мяукать.)

Велвел обосновывал своё царствование принципами, вверенными ему с целью приумножения их и передачи своим детям. Или, как некоторые его потомки утверждали, не принципами, а заповедями, переданными через такое количество поколений, что они внедрились в гены его потомков. Какие-то принципы он ставил выше других: как ты себя ведёшь, когда никто не видит – был важен; и воспитывал ли ты в себе Человека; и держал ли ты себя выше элементарных стандартов, потому что не стащить бублик на базаре – это не эталон порядочности. На менее абстрактном уровне он особенно ценил здравый смысл, который, как и правда, невозможно задушить навсегда. Он особенно не терпел ложь и жадность: говорить с лгуном, как говорить с немым – ты не узнаешь ничего ни от того, ни от другого; а со скупым супругом дом становится тюрьмой.

Удивительная интуиция Велвела граничила с ясновидением. Его дети ощущали себя от рождения обладателями скрижалей: руководства по необходимым и неприемлемым мыслям, действиям и качествам. Абсолютный властитель в своем семействе, Велвел не наказывал своё потомство, он спрашивал: "Допустим, ты добился своего – и что дальше?" Наказание не было его методом воспитания. Его цель была научить детей видеть последствия, предвидеть опасности, связанные с грехом. Преднамеренное причинение

боли было одним из таких же грехов, как, естественно, уклонение от мыщвы. Но он не разграничивал всё на чёрное и белое. Мыщва, к примеру, не смешивалась с удовлетворением любой просьбы. Она должна была быть реальной помощью при реальной необходимости. Помочь пьяному мужику найти место, где он может пописать, не считается мыщвой. Желание похвастаться или принятие компенсации в любом виде перечёркивало мыщву.

Велвел привил страх перед словом как самым ранящим, самым убийственным оружием. Он привил восприятие своего дома как отдельного самодостаточного мира. Когда он делал жест, как будто закрывает свой рот на ключ, никакие пытки не могли бы заставить его детей поделиться информацией вне семьи. Самое жуткое наказание греха было "это скажется на твоих детях." Оно ужасало меня, когда я была маленькой, так же сильно, как оно ужасает меня теперь.

Выражение "будь осторожен в твоих пожеланиях" не идёт ни в какое сравнение с "допустим, ты добился своего – и что дальше?" Правнучка, рождённая через двадцать лет после смерти Велвела, я всегда задумывалась над этим вопросом, когда сталкивалась с жизненными дилеммами, и я не принимала важных решений, не обдумав ответ на этот вопрос. Выросшая с бабушкиным "как мой отец говорил", я не могу поддерживать беседу без "как мой прадед говорил", хотя я иногда подавляю это в себе в компании незнакомых людей, чтобы избежать недоуменных взглядов. Будут ли мои потомки помнить источник их мудрости? Понимают ли они, как им повезло иметь пра-пра-пра-дедушку, который их поддерживает и защищает?

Велвел и Шейна-Гитель сначала занимали полдома по улице Златопольской, а затем маленький дом на улице Верхняя, где они жили до конца своей жизни. Похожие дома на той улице, которые я видела в 2007 году, не выглядят, с моей, американской, колокольни, достаточно просторными, чтобы вместить более четырёх человек, а может, и того меньше. Явно, они вмещали много больше, плюс Шаббатные гости...

Шейна-Гитель рожала семнадцать раз. Первые пять детей родились с промежутком около двух лет. Этот интервал выдерживался благодаря её природной противозачаточной системе – она не беременела, пока кормила грудью. Один ребёнок из пяти, девочка, умер в подростковом возрасте. Следующие двенадцать родов закончились девятью детьми, которые умерли в младенчестве, и тремя, самыми младшими, выжившими. Самая младшая в семье, Эстер, родилась после пятилетнего перерыва, вызванного инфекцией, которая потребовала посещения гинеколога в Киеве – не экономить на врачах, адвокатах и учителях было кредом Велвела. Эстер шутила: "К счастью, мама вылечилась, и родилась я."

Хотя смерть ребёнка в то время и в тех местах была обычным событием, Велвел оплакивал каждого долго и болезненно. Он оплакивал дитя и будущего учёного или мать будущего учёного. Отстранённый и властный, когда дети были здоровы, он превращался к курицу-наседку, когда они болели, проводил с ними бессонные ночи, укачивал их на руках, водил их к доктору Айзенштадту, дорогостоящему местному врачу, соединяющему

в себе, по Велвелу, оба необходимых качества, высокую квалификацию и человечность, что на его языке значало чуткость и тактичность.

По мере роста семьи, Велвел и Шейна-Гитель подыскивали дополнительные заработки к зарплате меламеда. Велвел высмеивал цадиков, которые сводили свою жизнь к молитвам и не участвовали в воспитании своих детей. Он набирал частных учеников, мальчиков, которые стремились углубить свои знания Торы. Шейна-Гитель договорилась с соседкой, у которой был одёжный киоск на базаре, продавать тихел (платки для еврейских женщин) из её киоска. Бизнес почти не приносил дохода до тех пор, пока самому старшему ребёнку, Хане, не исполнилось пять и она начала смотреть за младшими братьями и сёстрами. Тогда Шейна-Гитель заключила аналогичный договор также с владельцем киоска на противоположном конце рынка.

Конечно, такие сложные условия изматывали её и изнашивали её лапти быстрее, но предложение товара в двух лавках одновременно создало надёжную струйку дохода, особенно уместную во время длительных шаббатонов Велвела, которые он устраивал каждый год или два, чтобы навестить своего Реббе, который принимал своих учеников, возможно, в городе Ружине.

Во время гражданской войны в России армия и банды всех мастей и некоторые из соседей-христиан развлекались грабежом и издевательствами над евреями. Брат Велвела, Мордехай, последовал за семьёй своей дочери в Петроград, где до сих пор живут его потомки. Дети Велвела во время погромов отсиживались в подвале. В их хозяйстве не было ничего, что стоило бы украсть. Их древний самовар был украден в один из первых налётов. Мародёры посчитали, что он сделан из серебра, потому что он сиял. Так Шейна-Гитель расплатилась за привычку начищать его каждый день.

Когда семья уже смела надеяться, что ей удалось избежать худшего, серебристая борода Велвела привлекла внимание какого-то бандита. В присутствии Шейны-Гитель борода упала на землю под копыта разгорячённых лошадей под мерзкий смех разбойников из очередной банды. Они были в благодушном настроении: шутник, гордясь точностью взмаха сабли, обтёр её об одежду Велвела, и группа галопом ускакала, всё ещё смеясь. В тот момент, говорила позже Шейна-Гитель, Велвел уменьшился в росте, его прямая спина согнулась и никогда больше не разогнулась. Она помогла ему войти в дом, где он просидел над его книгами от рассвета до ночи все последние месяцы своей жизни. Его борода отросла ненамного. Он умер во сне сломанным человеком, его династия разрушена; его мудрость и прозорливость оказались неадекватными, чтобы её сохранить. На его похоронах были Шейна-Гитель, остатки семьи и несколько земляков, которые ещё не покинули штетл.

В течение нескольких лет все Авербухи перебрались в большие города, за исключением Ципоры (Полины), моей бабушки. Она осталась с Шейна-Гитель, которая не могла себе представить своё существование вне Белой Церкви. Шейна-Гитель умерла в середине 30-х прошлого века во сне, как и её муж. На похоронах присутствовали Ципора и соседи. Остальные члены семьи жили слишком далеко для такого путешествия.

Читайте о моей бабушке в “1883-1972: Гноенские, Авербухи”.

Из детей Авербухов, достигших взрослого возраста, Хана и Ципора (Полина) были похоронены в Киеве на Куренёвском (1953) и Берковецком (1972) кладбищах, соответственно; Янкель-Шмуль (Куця) в Белой Церкви (1915); Аврум (Авраам) в Филадельфии (1963), Эстер в Сан-Франциско (1983), Дина – в братской могиле в блокадном Ленинграде во время Второй мировой войны (1942); Лейб (Лев) был кремирован в Ленинграде (1976). В быту в Советском Союзе они пользовались отчеством Владимирович-Владимировна, которое было русифицированной формой Вольфович-Вольфовна. Это отчество появилось и в некоторых документах, и на могильных плитах. Все их потомки живут в Соединённых Штатах.